

ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ

Кто-то может назвать это разрывом, но Хью, мой муж, говорит, что это просто «перерыв». Пауза. И никакой это не развод, нет. Просто Хью немного устал и взял шестимесячный отпуск от семьи и домашних проблем. Чтобы отдохнуть и... как он это называет? «Разобраться в себе». Да, именно так... Я не могу изменить его решение. Но для меня это огромное испытание. Ведь я совсем не устала от Хью... Ну, разве что чуточку. Да и за шесть месяцев может произойти всякое. Вдруг Хью изменится настолько, что я не узнаю в нем того человека, за которого вышла замуж? А что, если и я сама изменюсь?.. Ведь если Хью устроил перерыв, почему бы и мне не сделать то же самое?..

Любая тема, которой касается эта писательница, превращается в искрометный юмор!

Cosmopolitan

В стиле Мэриан Кейз: она мастерски умеет вызывать улыбку на лице читателя.

Daily Express

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5594-4

9 786171 255944

Мэриан Кейз

Чувства с перерывом

Умная, яркая, свежая...
Удивительно остроумная
Sunday Times

Мэриан Кейз
Чувства
с перерывом

*Чувства
с перерывом*

MARIAN KEYES

The Break

A NOVEL

МЭРИАН КЕЙЗ

*Чувства
с перерывом*

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(415)
КЗЗ

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии
“Curtis Brown UK” и “The Van Lear Agency”

Переведено по изданию:
Keyes M. The Break : A Novel / Marian Keyes. —
London : Penguin Books, 2017. — 576 p.

Перевод с английского *Анастасии Майстренко*

Дизайнер обложки *Алина Белякова*

ISBN 978-617-12-5594-4
ISBN 978-0-7181-7972-4 (англ.)

© Marian Keyes, 2017
© DepositPhotos.com / urfingus,
обложка, 2018
© Hemigo Ltd, издание на рус-
ском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семей-
ного Досуга», перевод и худо-
жественное оформление, 2019

Прежде

1

ПЯТНИЦА, 9 СЕНТЯБРЯ

— Мы с Хью... — говорю я, — мы решили сделать перерыв.

— В смысле, такой перерыв, как на обед в забегаловке? — Маура возводит глаза к потолку. — Или такой, как в песне Рианны?¹

— Ну...

Она стискивает в руках сумочку.

— Перерыв, как в забегаловке, да?

— Нет, скорее...

— Как в песне Рианны? Ты, должно быть, *смеешься* надо мной.

Потому что Рианне... сколько? Двадцать два? А тебе...

— Не двадцать два, — перебиваю я, прежде чем она успевает озвучить мой возраст.

Сама не знаю, как это произошло, но, кажется, мне уже сорок четыре. Совершенно ясно, что я упустила этот факт из виду, и теперь, хоть и с небольшим опозданием, пытаюсь держать в секрете все, что с ним связано. Это не страх перед приближающейся смертью и, наверное, не страх перед неизбежными морщинами. Дело в том, что я работаю пиар-агентом, а это именно та сфера, где ты всегда должен быть свеж и молод, куда более молод, чем люди вокруг.

Именно поэтому я стараюсь не упоминать о своем возрасте, то есть я не упоминаю о нем *никогда*, надеясь, что если остальные не узнают о нем, то я останусь вечно молодой. (Я жалею лишь

---

¹ Имеется в виду песня поп-исполнительницы Рианны «Break It Off», название которой буквально означает «разорвать (отношения)», но при этом является эвфемизмом для секса. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*)

о том, что не придумала эту фишку, когда мне было двадцать семь. Да что я знала в свои двадцать семь...)

— Я твоя сестра, — говорит Маура. — Я на семь лет старше тебя, а мне сейчас пятьдесят один, так что...

— Да, да, конечно, — тараторю я очень-очень быстро, чтобы не позволить ей закончить фразу. — Конечно, конечно, конечно.

Маура никогда не переживала по поводу своего возраста. Сколько я ее помню, она больше напоминала папину сестру-близнеца, чем старшего ребенка в семье.

— Значит, это «перерыв», на время которого Хью отправится... куда?

— В Юго-Восточную Азию.

— Серьезно? А потом что?

— А потом вернется домой.

— Ага, или не вернется.

Это была худшая идея в мире — сообщить последние новости Мауре, но она умеет вытягивать из людей правду даже против их воли. (Именно поэтому мы называем ее Допросчиком.) Она отлично чует неладное. Если со мной что-то происходит, она через пару дней обязательно окажется в курсе.

Я рассчитывала, что все будет в порядке, если я продолжу как ни в чем не бывало отвечать на ее звонки, но, судя по всему, дурацкая черная полоса в моей жизни неизбежно вела вот к этому разговору. Оставалось вопросом времени, когда на пороге моего офиса появится Маура и откажется уходить, пока не узнает все от и до.

— Слушай, пока ничего не известно наверняка, — слабо сопротивляюсь я. — Не может же он уйти навсегда.

Потому что он действительно не может.

— А ты не позволишь ему уйти, — заявляет она. — Просто скажи ему: «Ты не уйдешь». И все, закончили разговор.

Если бы это было так легко! Она не читала письмо Хью, она не знает, сколько муки в нем было. Позволить ему уехать — это лучший способ спасти наш брак. Наверное.

— Это как-то связано с тем, что его отец умер?

Я киваю. Его отец умер одиннадцать месяцев назад, и это здорово подкосило Хью.

— Я думала, нужно лишь дать ему время, и все вернется на круги своя.

— Но ничто не вернулось. Как раз наоборот. — Она повышает голос. — Что за взрывная семейка! Когда уже закончится эта драма? Черт, как будто бесконечная игра в «Убей сурка»¹.

Я уже тысячу раз видела Мауру в ярости, так что и теперь она меня не пугает.

— Почему у одного все взлетает до небес именно тогда, когда у другого начинается черная полоса? Что вы за сплошное стихийное бедствие?

Она говорит обо мне и моих близких, но, если честно, это не совсем так.

Ну, я имею в виду, что у нас дела не хуже, чем в остальных семьях. Может быть, все протекает чуть более бурно, но в целом наша семья вполне нормальная, правда.

— Думаю, это моя вина, — утверждает она. — Неужели я такой плохой пример для подражания?

— О да!

Говоря по правде, она худший пример для подражания из ныне живущих людей, но я не хочу ее расстраивать. По-моему, она, наоборот, заслуживает сочувствия.

— Ты такая жестокая! — говорит она. — Ты пытаешься быть маленькой девочкой, чья мать месяцами лежит в больнице с туберкулезом, который никак не поддается лечению. Маленькой девочкой, у которой четыре младших брата и сестры, ни на секунду не прекращающих плакать, и огромный холодный дом, разваливающийся на глазах, а еще отец, который со всем этим не справляется. — На самом деле она имеет в виду себя. — Да, у меня развито чувство ответственности, но...

Я знаю эту речь наизусть и могу произнести ее вслед за ней слово в слово, но заткнуть Мауру, когда она на пике эмоций, почти невозможно. (Мы с братьями и сестрами любим шутить, что у ее мужа ЭНУ — Этого Несчастливого Ублюдка — развилась локальная мутация практически сразу же после свадьбы, потому что никто не слышал, чтобы он сказал хоть слово за последние

---

¹ «Убей сурка» (*Whac-A-Mole*) — популярная японская аркадная игра. Смысл в том, чтобы успеть попасть мягким молотком по голове игрушечного сурка, показывающего голову в одной из нор, которых на поверхности обычно от четырех и больше. (*Примеч. пер.*)

лет двадцать. Мы уверены, что все фразы, которые он когда-либо произносил, заканчивались на весьма неуверенном «Могу я?..»)

— К чему все это? — спрашиваю я, прерывая ее гневную тираду. — Я не сделала ничего плохого.

— Да, — соглашается она. — Но это пока!

— О чем ты говоришь?

Она выглядит удивленной.

— Если твой муж делает «перерыв» в вашем браке, — она выразительно изображает кавычки, — это значит, что у тебя тоже, — кавычки становятся еще более выразительными, — «перерыв»?

Чтобы переварить ее слова, мне требуется какое-то время. Затем, к моему изумлению, во мне зарождается робкая надежда на то, что после пяти очень тяжелых дней я наконец-то испытаю благотворное облегчение. В моей душе все еще трепещет этот крошечный лучик света.

Я медленно произношу:

— Исходя из твоей интонации, я полагаю, что да.

2

Теперь, получив то, за чем приехала, Маура собирает свои вещи: плотный коричневый портфель и непромокаемую куртку.

— Пожалуйста, Маура, — прошу я, — *не рассказывай* остальным.

— Но они — твоя семья! — Ей удастся заставить безобидную фразу звучать как проклятие. — И Хью не сможет приехать на наш традиционный пятничный ужин, впервые за много лет. Они поймут: что-то произошло.

— Я серьезно, Маура. Девочки еще ни о чем не знают и не должны узнать через испорченный телефон. — Я запинаюсь, задумавшись, говорят ли так сейчас — «испорченный телефон». Лучше не рисковать. — Я не хочу, чтобы эта новость дошла к ним в виде глупых сплетен.

Которые будут не такими красочными, как мои объяснения.

— То есть ты даже Дерри не рассказала? — удивленно спрашивает Маура.

Дерри — наша общая сестра, и, пусть она на пятнадцать месяцев старше меня, мы с ней довольно близки.

— Слушай, пока ничего эдакого не произошло. Он еще никуда не делся.

Впервые за время разговора на ее лице появляется сочувствие.

— Ты просто в фазе отрицания.

— Скорее я просто в шоке, — признаюсь я. — Наверное.

Но, помимо шока, есть еще стыд, страх, сожаление, вина и, да, отрицание — весь этот коктейль непрерывно смешивается во мне.

— Ты в порядке? Справишься с сегодняшним ужином?

— Ага.

Пятничный ужин в доме родителей — это традиция, которой уже больше десятка лет. Мама не настолько активна, чтобы каждую неделю посещать всех членов нашей большой семьи, которая неуклонно растет. Мои родные братья и сестры, их дети, их супруги и бывшие супруги (о да, последний писк современности — это как раз о нас) — словом, мы все приезжаем к ним на ужин.

— Как по-твоему, много народу явится на этот раз? — спрашиваю я.

У семьи О'Коннелов есть такое свойство — количество ее членов может быть каким угодно. Каждую пятницу оно меняется в ту или иную сторону, отрицается и подтверждается, добавляется и вычитается, и обязательно будет один человек, который, не сомневайтесь, весьма удивит вас своим присутствием. Но, сколько бы нас ни набиралось, всегда проще угодить большинству. Не дай бог на столе закончится еда прежде, чем каждый насытится: вы запомните этот момент навсегда.

— Я, — начинает перечислять Маура, отставляя пальцы. — Ты. Очевидно, без Хью...

Так, с меня хватит.

Тихий стук в дверь отвлекает нас. Тами просовывает голову внутрь.

— У вас встреча в пять, — сообщает она.

— Тебе пора уходить, — говорю я Мауре. — У меня сейчас встреча.

— В пятницу днем? — поднимает она брови. — Кто вообще назначает встречи на пятницу? Кто-то, у кого проблемы в семейной жизни, да?

— О боже! — восклицаю я. — Выметайся.

«Хотч», маленькое агентство, третью которого руковожу я, занимается пиаром во всех его проявлениях, включая имидж-менеджмент. Мы реабилитируем политиков, спортсменов, актеров и любых других публичных личностей с подмоченной репутацией.

Раньше дело ограничивалось лишь скандалами из-за сексуальных связей, но время идет, и теперь у вас есть возможность опозориться, проявив себя расистом. Из-за этого вы даже можете вполне заслуженно потерять работу. Сексизм, возрастная дискриминация и прочее — все это в современном мире приравнивается к издевательствам, краже мелких предметов (вспомните, как Путин стащил ручку) или парковке в неподобающем месте, если вы являетесь официальным лицом.

Конечно, публичный позор теперь тоже выглядит иначе. Когда-то все знаменитости ужасно боялись оказаться на первой странице воскресной газеты. Но в современном мире за событиями можно следить, глядя в свой мобильный, поэтому страх распространяется, подобно вирусу.

— Я что, даже не получу никакого сувенирчика? — спрашивает Маура, пока мы с Тами подталкиваем ее к главному входу.

— Подари ей штаны для недержания, — говорю я Тами.

Фирма «ЭверДрай» — один из наших крупнейших клиентов, и, как это ни печально, именно недержание мочи и кала — один из основных факторов ее роста.

— Вот, значит, как, — вздыхает Маура. — Недержание мне не грозит. У вас тут что, ни одной шоколадки не завалялось? О, привет, Аластар...

Аластар только успел вернуться из Лондона, поэтому выглядит особенно впечатляюще в своем дорогом костюме и белоснежной рубашке. Его серебристые глаза останавливаются на Мауре, а затем он дарит ей улыбку. Выглядит это *жалко*.

— Здравствуй, Маура, — произносит он низким интимным голосом.

— Здравствуй, — крикает она в ответ, предательски дав петуха.

— Хочешь шоколадку? — говорит Аластар. — Держи...

«Хотч» представляет целую линию шоколадных фабрик, и это довольно утомительно, ведь образцы поставляют непосредственно в офис — иногда это бывает очень некстати.

Аластар берет коробку конфет из шкафа и пару скрабов для тела, изготовленных из дерна (уж это я *знаю*). Из вредности я добавляю к ним упаковку штанов для страдающих недержанием.

Тами тащит мою сестру к лестнице, чтобы она не столкнулась с миссис «ЭверДрай», поднимающейся в лифте. Тами — просто находка: рожденная в Бразилии, она отвечает у нас за ресепшен, харизму и внутренний отдел продаж. Все в одном очаровательном флаконе. Даже самых сложных клиентов она может убедить заплатить, никогда не обижается на просьбу сделать кофе и, в отличие от всех своих предшественников, не страдает слабоумием. Весьма недурственно. (Теперь я переживаю, что употребила слово «слабоумие», как все эти любители унижать друг друга в «Твиттере». Реабилитация оплеванных людей учит тебя подмечать такие вещи.)

Мы с Аластаром снова заходим в маленький конференц-зал, в котором Маура только что выпытывала у меня секреты личной жизни. (Залы в «Хотче» маленькие, потому что именно такие мы и можем себе позволить. Чтобы окончательно прояснить ситуацию, добавлю, что два дня в неделю я работаю в Лондоне, где мы вообще не можем позволить себе аренду служебного помещения.)

Времени на то, чтобы привести волосы в порядок, совсем нет, поэтому я спрашиваю Аластара:

— Как я выгляжу?

Когда люди слышат, что я работаю в компании, занимающейся общественными отношениями, они обычно весьма удивляются. Женщины-пиарщицы — это, как правило, высокие и стройные блондинки в белых костюмах с юбками в обтяжку, на высоких каблуках, без необъятного целлюлита, с ледяными улыбками и холодным очарованием. Но тут всех ждет неприятный сюрприз, потому что я — невысокого роста, со склонной к полноте фигурой, за которой мне нужно следить пристальнее ястреба, хотя я, конечно, забываю об этом. И примерно так же я хороша в своей работе.

— Когда ты взъерошенная, ты обычно весьма обаятельна, — говорит Аластар. — Выглядишь очень мило. Но... — он поправляет мой воротничок, — может быть, сегодня ты как-то уж *слишком* неопрятна?

Я отодвигаю его руку. Он может зайти слишком далеко и слишком запросто, когда дело касается прикосновений к женщинам. Но тем не менее мое платье действительно все в складках, а внутреннее

смятение никогда не должно отражаться на внешнем виде. Мозг судорожно ищет способы хоть как-то его улучшить. Но, стоит посмотреть на мой рабочий костюм, сам собой напрашивается вывод: нужно начать с банальной глажки.

Похоронив отчаянную надежду, я размышляю, какое же чудо может произойти с моими волосами. Может, остричь их дюймов на шесть? Но с тем же успехом я могу себя закопать, ведь волосы — один из немногих моих козырей. Да, может быть, они слишком тонкие и, если верить журнальным статьям, слишком длинные для женщины сорока лет, но ничего более гламурного во мне нет.

А что насчет их цвета? Неужели уже пора переходить от темно-каштанового к чему-то более приличному в этом возрасте?

Мой парикмахер прочитал мне очередную лекцию на тему того, как блекнет пигментация женской кожи по мере старения.

— Останешься с темными волосами, и все скажут, что ты похожа на человека, которого забальзамировали заживо, — заявил он.

— Знаю я, что «все» скажут, — ответила я. — Прекрасно знаю, Ловатт. Но в этом случае «все» ошибаются. Я — исключение. Урод, если такое определение тебе понятнее.

Ему понятнее не стало. Он сжал губы в тонкую полоску и в наказание уложил мои волосы в стиле, более подходящем пожилой матери семейства.

— Есть планы на выходные? — спрашивает Аластар.

Я думаю о том, что Хью собирается уезжать. О том, что нужно обо всем рассказать девочкам. О том, что это напоминает конец моего существования. И пожимаю плечами.

— Ничего особенного. А у тебя?

— У меня курсы. — Он выглядит смущенным.

— Еще одна попытка узнать все секреты счастливой жизни за сорок восемь часов? Аластар, — произношу я беспомощным тоном, — ты ищешь то, чего не существует.

Он посвящает один уик-энд в месяц активному исцелению травм детства, или кризиса среднего возраста, или чего-то еще, но пока что это не помогает.

— Я раскрою тебе секрет счастья, — говорю я. — Пей столько, сколько влезет. Займись шопингом. И, если не выгорит ни с первым, ни со вторым, падай в постель, обложись пончиками и проведи так все выходные. Как, по-твоему, все мы боремся со стрессом?

Прежде чем Аластар успеваеt открыть рот, в зал заходит Тим, третий партнер в «Хотче».

Мы трое — Тим, Аластар и я — работали вместе в большом ирландском пиар-агентстве, но лет пять назад нас уволили. Не изменяя своей генеральной линии, Аластар отправился в индийский ашрам, но его довольно быстро оттуда попросили, потому что он трахал местных послушниц на ковриках для йоги. Я провела несколько безрадостных лет в мрачной пустыне фриланса, а Тим вернулся в колледж и получил квалификацию бухгалтера. Вот и все, что вам нужно знать о трех разных типах энергии, которую Аластар, Тим и я излучаем теперь за этим столом.

Мы создали наше крошечное агентство примерно два с половиной года назад. Изо дня в день, из месяца в месяц мы задавались вопросом, будем ли продолжать работу еще через тридцать дней. Это довольно беспокойный образ жизни. Вся эта тревога обернулась для меня хроническим гастритом и добавила в мой рацион регулярный прием «Зантака»¹. Мой лечащий врач с двенадцатилетним стажем сказала, что достаточно лишь изолировать себя от всех стрессов сразу, и я покорно кивнула, но мысленно не удержалась от сарказма: «Ты и правда так *думаешь?*» Затем она добавила, что мне нужно сбросить пару фунтов, и тут мне захотелось зарыдать: эти фунты стали побочным эффектом отказа от сигарет. Если честно, мне приходило в голову, а не нарушить ли все существующие правила, не начать ли творить ужасные вещи, а потом умереть раньше срока — но, по крайней мере, оторвавшись на полную катушку?

А вот и миссис «ЭверДрай», толстая и страшная в своем вязаном платье, и мы поднимаемся, радостно приветствуя ее. Маура ошиблась, когда предположила, что встречи в пятницу днем значают только те, у кого в семейной жизни кризис: в этот день миссис «ЭверДрай» предпочитает получать ежемесячный отчет о проделанной работе. Она живет в каком-то загородном поселке, и ей очень удобно приезжать в Дублин на выходные, чтобы «погулять по магазинам».

— Ты, — указывает она на меня.

Черт. Я что-то сделала? Или не сделала?

¹ «Зантак» — таблетки, назначаемые врачом для лечения язвенных болезней желудка и двенадцатиперстной кишки. (*Примеч. пер.*)

— Слышала, что ты — мать Нив Алдин, — говорит она. — Нив Алдин, известной как «Полегче, сучка».

— А? О... да!

— Мы с моей четырнадцатилетней дочерью смотрим ее видеоблог о косметике. Она забавная, заставляет нас обоих смеяться.

— Что ж... эм-м... *прекрасно*.

— Имей в виду, я уже почти разорилась, покупая вещички, которыми она пользуется. Не могла бы ты намекнуть ей, что было бы здорово рекламировать бренды подешевле?

— Обещаю попробовать! — Скорее небо упадет на землю, чем Нив прислушается к моему мнению.

— Почему у вас разные фамилии?

— Она родилась в моем первом браке. Взяла фамилию отца.

— Что ж, одна тайна прояснилась. Ну, давайте начинать?

К концу встречи миссис «ЭверДрай» вполне довольна нашими успехами — недавно нас упомянули в «Улице Коронации»¹.

— Но я считаю, что нам нужен «посол», — говорит она.

Мы знаем, что такое «посол», но не знаем, как сообщить ей о том, что идея ее откровенно бредовая.

— Это интересно... — Я пытаюсь выиграть время.

— Не нужно мне твое «интересно», — отвечает она.

Аластар просто обязан стать тем, кто ее нейтрализует, — она *обожает* Аластара.

— Миссис Маллен, — мягко произносит он, — непросто будет найти человека, готового публично признаться в недержании мочи.

— Всего лишь нужно начать, — говорит она. — После этого все прекратят стесняться.

И в этом она права. Не так давно люди стыдились рака, как и болезни Альцгеймера в свое время.

— У всех рано или поздно случится недержание! — заявляет миссис «ЭверДрай». Ее взгляд останавливается на Аластаре, и ее тон смягчается. — Ну, может быть, у тебя — нет. Ты идеален.

— Во мне куда больше изъянов, чем может показаться. — Аластар уверен, что очарователен, но сейчас я с ним полностью согласна.

Миссис «ЭверДрай» пристально смотрит на Тима.

---

¹ «Улица Коронации» — британский телесериал, созданный Тони Уорреном. (Примеч. пер.)

— Я бы не сказала, что ты страдаешь недержанием.

— Я слишком молод для этого, — говорит Тим.

— Да, и слишком невозмутим.

Мы все вдруг фыркаем от смеха. Миссис «ЭверДрай» — наш самый важный клиент, но не любить ее просто невозможно. Теперь ее взор устремлен на меня.

— Я могла бы потребовать от своего организма чего-то подобного, — говорю я извиняющимся тоном, — но мой мочевого пузырь такой, какой есть.

— Ладно, возможно, *пока* не все подвластно этому, — признает миссис «ЭверДрай». — Но скоро будут! Потому что люди стали жить как-то уж слишком долго.

Вот чего Хью всеми силами пытался добиться, когда обрушивал на меня свои ужасные новости. Крошечный, почти ненастоящий лучик надежды, который удалось обнаружить в себе после разговора с Маурой, внезапно гаснет, а я снова превращаюсь в грустную и испуганную женщину.

3

Я прекрасно знаю, что Хью страдал: когда его отец умер, это не стало сюрпризом, но, поскольку его мать скончалась уже восемь лет назад, теперь он официально стал сиротой. В моей огромной семье все еще были живы, но я достаточно почерпнула у «Доктора Фила»¹, чтобы понять: тяжелая утрата оказывает разное влияние на тех, кто ей подвергся. И я делала для Хью все, что было в моих силах. Я настаивала на том, что ему нужно позволить себе поплакать, но он так и не проронил ни единой слезинки. Несмотря на то что мы отменили негласный запрет на употребление алкоголя, он продолжал, как обычно, выпивать по вечерам лишь пару бутылок нефильтрованного пива со странным названием. Я даже предложила ему вместе покататься на сноубордах, хотя слабо представляла, как смогу передвигаться в зимней одежде, но в нем не блеснуло даже искры заинтересованности.

---

¹ «Доктор Фил» — телевизионная передача американского психолога и писателя Филиппа Макгроу, предлагающая решения жизненных проблем.

Я старалась максимально отгородить его от любых стрессов — в основном разряжая напряжение между ним и Нив — и часто спрашивала у него: «Хочешь поговорить?»

Но меньше всего он хотел разговоров.

Мы вообще почти не делились друг с другом своими переживаниями по поводу случившегося. И, может быть, не стоило жаловаться, но нам следовало больше общаться. После смерти его отца мы мало времени проводили в постели. Он поздно возвращался домой, словно вел образ жизни преступника, а утром, когда я просыпалась, он уже бодрствовал.

Как-то раз в четверг, через четыре или пять месяцев после похорон, я проснулась часов в шесть утра. Хью рядом не оказалось, простыня была холодной. Его не было в доме, хотя машина стояла снаружи. Я позвонила ему на мобильный, но он не ответил, и тогда мое воображение разыгралось вовсю. Нам так много рассказывают о мужчинах, совершающих суицид, о том, как это происходит и почему, — судя по всему, без предупреждения.

Хью не страдалец. Он всегда был стойким и весьма уверенным в своих действиях, и, пусть это прозвучит парадоксально, именно вера в силу его воли заставила меня тогда держаться на плаву — так он был крепок. В панике я натянула на себя какую-то одежду и поехала по Дандруму, искать его в оживающем мартовском рассвете.

Марли-парк, с его деревьями и кустами, казался очевидным выбором, но там я его не нашла и колесила по жилым улицам нашего района, наверное, час или больше, пока не зазвонил мой мобильный. Это был он.

Я находилась уже в таком состоянии, что едва узнала его голос:

— Где ты?

— Где *ты*?

— Дома.

— Оставайся там.

Он сказал, что просто вышел на прогулку. Я ему поверила, но все равно насторожилась. Некоторые любят бегать по ночам, и это вроде как нормально, да? Но с ходьбой и прогулками дела обстоят иначе.

— Я испугалась, — сказала я. — Думала, что ты решил...

— Нет. Я никогда этого не сделаю.

— Но я не имею представления, что с тобой происходит.

— Да. — Он тяжело вздохнул. — Я тоже не знаю, что со мной.

— Милый, — сказала я, — пожалуй, самое время посетить врача, который пропишет тебе антидепрессанты.

После долгого молчания он ответил:

— Хорошо.

И тогда я по-настоящему испугалась. Хью на все был готов, чтобы не идти к врачу. Даже если бы у него отвалилась нога, он бы прикрутил ее обратно самостоятельно, он бы вены завязал узлом, чтобы остановить кровотечение.

Но он посетил врача, и ему назначили «Сероксат». (Я знала, что СИОЗС¹ — это начальный уровень препаратов. Как и любую другую женщину среднего возраста, меня окружали люди, которые сидели на антидепрессантах или были знакомы с теми, кто на них сидел.)

И пусть Хью принимал таблетки, он продолжал регулярно исчезать среди ночи. Когда я рассказала об этом своей сестре Дерри, она поинтересовалась:

— Ты не думаешь, что он нашел себе какую-нибудь даму?

Разумеется, эта мысль меня посещала, но инстинкт подсказывал, что Хью всего лишь переживает внутреннюю борьбу; ни о каких походах налево не может быть и речи.

Так что однажды я усадила его перед собой и предложила ему поговорить с психологом.

— И что из этого получится? — спросил он. Его глаза были мертвыми.

Это насторожило меня. Я ничего не знала о консультациях. Но...

— Множество людей, потерявших своих родных, находят в этом облегчение.

— Сколько это будет стоить?

— Я узнаю.

— Сколько раз придется посетить его?

— Думаю, это нужно обсудить непосредственно с ним.

— Ты считаешь, это мне поможет?

— Ну... другим-то помогает. Почему в твоём случае будет иначе?

---

¹ СИОЗС (селективные ингибиторы обратного захвата серотонина) — фармакотерапевтическая группа антидепрессантов третьего поколения, предназначенных для лечения тревожных расстройств и депрессии. (*Примеч. пер.*)

— Хорошо. — Он тяжело вздохнул. — Авось сработает. — И добавил: — Я так больше не могу.

Эта фраза повергла меня в ужас:

— Милый, что ты имеешь в виду?

— Просто... я так больше не могу.

— Как?

— Все потеряло смысл.

— Расскажи мне. Пожалуйста.

Он покачал головой:

— Нечего рассказывать. Все кажется бессмысленным, только и всего.

Я знала лучше, чем он мог себе представить, как важно то, о чем он говорил. Но чувствовать его боль и в то же время полную беспомощность, невозможность дотянуться до него, было невыносимо. А мы ведь давали свет друг другу в течение многих лет.

Аластар был первым человеком, с которым я делилась всеми своими эмоциональными взлетами и падениями. Он посоветовал мне знакомого психотерапевта, специализирующегося на тяжелых утратах.

— Имей в виду, что она недешево берет, — предупредил он меня.

Но мне было плевать. Любые деньги стоят времени этой женщины, если глаза Хью перестанут быть мертвыми. После первого занятия я спросила мужа:

— Как все прошло?

Он ответил с ничего не выражающим лицом:

— Не знаю.

— Пойдешь снова?

— Да. На следующей неделе. Она сказала, что нужно пройти десятидневный курс.

— Хорошо. Отлично! Прекрасно, Хью. Здорово получилось.

Он смотрел на меня так, как будто забыл, кто я.

Так и вышло, что каждый четверг Хью посещал психолога. Я старалась не давить на него, но всегда задавала вопрос:

— Как все прошло?

Обычно он пожимал плечами и издавал какие-то невразумительные звуки, но к концу курса он довольно уверенно заявил:

— Похоже, толку от этого нет.

Мое настроение резко испортилось, но я заставила себя твердо сказать:

— Дай себе немного времени.

Меня держала на плаву надежда, что, как только первая годовщина смерти его отца окажется позади, все станет проще.

А затем произошло ужасное: умер близкий друг Хью, человек, которого он знал с пятилетнего возраста. Его смерть была чудовищна: Гэвина ужалила оса, начался анафилактический шок. Никто даже не подозревал, что у него аллергия на ос, — это было словно гром среди ясного неба.

Конечно, мне было очень жаль жену Гэвина, его детей, родителей, братьев и сестер, но, к своему огромному стыду, я больше беспокоилась о Хью. Это ведь сильно повлияет на него. Весь прогресс в выздоровлении за последние несколько месяцев после смерти отца обнулится. Все вернется на исходную позицию.

Так и случилось. Хью сразу же отказался от своих консультаций и покидал комнату каждый раз, когда я поднимала эту тему. Он начал пропускать работу и проводил час за часом перед телевизором за просмотром канала «Нетфликс». Он перестал видеться с друзьями, отказался от посещения всех семейных торжеств и редко разговаривал.

В июле мы с ним и девочками решили провести отпуск на Сардинии.

Я возлагала огромные надежды на тамошнее солнце: может быть, солнечный свет пробудит его к жизни. Но он лишь сидел и молча смотрел на морские волны, в то время как все остальные с беспокойством смотрели на него.

Как только мы вернулись домой, я с тихим отчаянием поняла, что в данной ситуации могу только ждать, и, по всей видимости, ждать придется долго.

Однако недели три назад нас пригласили на вечеринку в честь чьего-то дня рождения, и, к моему удивлению, Хью согласился. Сердце в надежде подскочило, стягивающийся в животе узел будто бы немного ослабел.

Но вскоре после того, как мы добрались до места, на нас обрушилась божья кара в лице Женевьев Пейн.

— Хью! Привет, прекрасный незнакомец! — Она погладила его по руке. — О боже, глаза этого человека! — вздохнула она. —

Знаешь, Эми, если бы Хью был моим мужем, я бы не позволяла ему вылезать из постели.

Так она обычно и вела себя с ним. На этот раз мои губы шевелились: «Ха-ха-ха», а глаза говорили: «Пожалуйста, можно мне воткнуть топор тебе в голову?»

В прошлом Хью воспринимал ее стойко и молча — пожимал плечами или косо смотрел. Понимаете, что такое *вежливость*? Он прекрасно знал, какое впечатление производит на меня подобное поведение.

На этот раз он повернулся и улыбнулся ей в ответ. Я не видела его улыбки с прошлого года. Женевьев покраснела, она выглядела по-настоящему смущенной, и я вдруг похолодела от страха.

Вернувшись домой, я сказала:

— Ты можешь путаться с кем угодно в мире, кроме Женевьев Пейн.

Всякий раз, когда я это говорила, — после каждой встречи с ней, если быть точной, — Хью отвечал: «Детка, я не буду путаться ни с кем, кроме тебя, на всем белом свете».

Но на этот раз он сказал:

— Хорошо.

Никакой «детки». Просто — «хорошо».

Я открыла было рот, но подумала: «Нет. Оставь».

Быстрая перемотка: прошлая суббота, вечер. Мы были дома одни. Хью сидел за кухонным столом, стучал по экрану своего айпада. Бросив взгляд через его плечо, я поняла, что он набирает какие-то цифры. Я сперва не обратила на это внимания, но, когда много позже снова зашла на кухню, он сидел на том же месте.

— Чем занимаешься?

Он заколебался перед тем, как ответить, и, еще ничего не зная, я испытала острый приступ страха.

— Подсчитываю наши финансы.

Я уставилась на него в долгом молчании. Это было бессмысленное занятие. Два месяца назад наши финансы получили значительную прибавку, потому что дом его отца наконец-то удалось продать. Сумму от продажи разделили между Хью и его тремя братьями, а после этого мы оплатили колледж Софи и Киары, поставили Киаре брекеты, отремонтировали сигнализацию

в нашем доме, изолировали протекающий потолок в спальне Нив, съездили на Сардинию и погасили долги на кредитках, а на то, что осталось, купили примерно половину машины. (Автомобиль среднего класса — мы не прыгали через голову.)

У нас не было больших проблем с деньгами, нам никогда не приходилось переживать, не отклонит ли платеж банковская карта, при каждой совершаемой транзакции.

Но необходимо было иметь *реальный неприкасаемый фонд* для того, чтобы неплохо жить, и эта новость спускала меня с небес на землю. Я начала частенько произносить слова «накопительный фонд», хотя до сих пор они выводили меня из себя.

Я уже имела большие планы на «накопительный фонд» и составила список действий первой необходимости: заменить наш непредсказуемый котел, приобрести жизненно важный для гостиной диван, выплатить часть ипотечного кредита или даже — это была крохотная, тайная и отчаянная надежда — устроить короткий отпуск вдвоем с Хью. Только вдвоем. А вдруг мы снова станем ближе друг к другу?

Я не поняла, что за бесконечные расчеты Хью вел целый вечер, и я могла бы задать вопрос, но что-то — страх? — шептало мне, что лучше молчать.

На следующей неделе, после того как девочки легли спать, он сказал мне:

— Нам нужно поговорить.

Это именно те слова, которые каждый предпочел бы никогда ни от кого не слышать. Но именно потому, что Хью не баловал меня разговорами с прошлого года, я... *заинтересовалась*. Если это можно так назвать.

Он вручил мне бокал вина.

— Присядем на кухне?

Прекрасно, значит, это будет такой разговор, во время которого мне не обойтись без алкоголя. Вообще-то разговор должны вести двое, разве нет?

Я сделала большой глоток вина, пошла на кухню, села за стол и пригубила еще.

— Хорошо.

Хью смотрел вниз, словно на нашей дубовой столешнице были подробно расписаны все секреты мироздания.

— Я люблю тебя. — Он бросил на меня быстрый взгляд, в его глазах пылала искренность. Затем он снова вернулся к изучению столешницы. — И хочу состоять с тобой в браке.

Хорошие слова. Да, хорошие, *правильные* слова. Но любой дурак заметил бы, что есть одно огромное «НО», которое нависло над нами, как монолитная бетонная плита.

— Но? — подсказала я.

Его рука сильно сжала бутылку с пивом за мгновение до того, как он произнес:

— Мне нужен перерыв.

Плохо. Это было плохо, плохо, *плохо*.

— Пожалуйста, посмотри на меня.

Если я увижу его глаза, возможно, я смогу все это пре-
кратить.

— Извини. — Он выпрямился, и на лице его появилось удивление, потому что, когда ты живешь с кем-то достаточно долго, ты знаешь, как реагировать на ту или иную ситуацию. Сейчас он выглядел измученным. — Я не очень силен в выражении своих мыслей. — Он казался абсолютно несчастным человеком. — Но я написал письмо. Можешь прочесть?

И он подвинул свой айпад ко мне по столу.

Ангел мой!

Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя. Я хочу, чтобы мы были вместе до самого конца. Но есть кое-что еще. Мне нужно что-то еще.

Наверное, это из-за смерти папы, а после — Гэвина. Я могу думать только о полной бессмысленности существования. У нас как будто есть всего один ход, после которого мы умираем. Я чувствую, что в своей жизни не сделал этого хода.

Я люблю Нив, Софи и Киару всем сердцем, но ощущаю, что потратил слишком много дней впустую. Мне потребуется время, чтобы снова занять правильную позицию.

Я пишу и вижу, насколько эгоистично это звучит. Знаю, есть люди, жизнь которых сложилась ужасно, и они не могут убежать от своей судьбы. Но я чувствую себя так, словно меня похоронили заживо, и я сойду с ума, если ничего не изменю. Это разрушает меня, я не могу двигаться дальше.

Понимаю, я делаю тебе больно, и я всей душой ненавижу себя за это, но не могу остановить свои мысли. Я хочу остаться с тобой, но мне нужно найти себя. Нужно разорвать пути.

Да, скорее всего, это кризис среднего возраста, но я не желаю иметь спортивный автомобиль, я просто ищущу свободы. Я думаю, что так будет лучше для нас обоих, если смотреть в будущее и думать о будущем.

Я хочу, чтобы мы состарились вместе. Хочу, чтобы мы были вместе до самого конца.

Дело не только в сексе. Я знаю, что ты будешь думать об этом, но нет, не в нем.

Это не жалкий способ труса сказать, что мы расходимся. Я люблю тебя, я люблю нашу совместную жизнь, я всегда буду любить тебя и через полгода обещаю вернуться.

Хью

Господи Иисусе. Господи *Иисусе!*

Я сидела и не двигалась, пока у меня не закружилась голова. Он смотрел на меня, его глаза что-то искали на моем лице. Мне хотелось отвернуться, как будто в меня всматривался незнакомец.

— Эми?

— Я... Боже, я не знаю, что я должна...

— Слишком много всего сразу, конечно, — сказал он. — Прости меня, Эми. Мне очень жаль. Я ненавижу себя за то, что делаю это с тобой. Не хочу чувствовать себя так. Я пытался остановить это, но оно все время возвращается.

Я опустила взгляд на текст, и теперь эти слова показались еще более разрушительными: *разорвать пути... похоронен заживо... полгода... свободы...*

Теперь, когда все его метания нашли выход, он выглядел просто ужасно. И его желание на шесть месяцев стать свободным отнюдь не являлось прихотью избалованного человека: это был выход, который он нашел в попытках понять себя.

Нельзя его отпускать, это очевидно, но мне требовалось больше деталей, чтобы разобраться.

— И куда ты планируешь уехать? — хрипло спросила я.

— Юго-Восточная Азия, Таиланд, Вьетнам. В те места. Походы с рюкзаком. И я давно хотел научиться подводному плаванию.

То, как он детально все продумал, вызвало у меня еще один приступ головокружения. Все это время Хью бродил рядом, как бесшумный призрак, а пока я заботливо интересовалась, не хочет ли он поговорить, он тщательно обдумывал свой побег.

И... *походы с рюкзаком?* Ему сорок шесть, а не восемнадцать.

Ладно, спокойно. Многие люди отказывались от образа жизни взрослого человека среднего класса, чтобы вернуть подростковые годы или наверстать упущенное. Из-за первой седины или еще чего похуже. Хью-то седым не был: он был высоким и стройным, с темно-каштановой бородой и густыми волосами, выглядел значительно моложе своих лет, когда не мучился от рефлексии. Он легко стал бы звездой вечеринки на пляже под полной луной.

— А что насчет работы?

— Я поговорил с Карлом.

Карл — его брат, они владеют звуковой студией, где Хью работает инженером.

— Он сказал, что прикроет меня.

— Ты говорил об этом с Карлом? — Прежде, чем со мной. Я сделала еще один большой глоток вина. — Значит, ты не собираешься зарабатывать деньги в течение шести месяцев?

А что насчет ипотеки, множества страховок и ежедневных расходов на девочек? Да еще были и личные расходы, которые в общей сложности составляли приличную сумму.

Теперь он казался по-настоящему пристыженным.

— Мне очень жаль, детка, но я надеюсь, что все эти траты покроют деньги, оставшиеся от продажи отцовского дома.

Я не думала, что могу испытать большее потрясение. Придется забыть о «накопительном фонде».

— Когда ты собираешься улететь?

«Сколько у меня времени, чтобы заставить тебя изменить решение?»

— Через неделю или дней через десять.

Боже мой.

— Ты... еще не купил билет?

— Я уже слежу за рейсами.

— О господи, Хью...

— Прости меня... — К моему ужасу, его лицо исказилось, и внезапно он заплакал. Впервые при мне после смерти отца.

— Дорогой... — Я кинулась к нему и обняла его.

— Когда я увидел отца, лежащего в том деревянном гробу... — Он содрогнулся, уткнувшись мне в плечо. — Все, чего он хотел от жизни... теперь никогда не случится. Это так сильно ударило по мне.

Надо было дать ему немного времени, чтобы он успокоился, прежде чем задавать следующий вопрос. Наконец он вытер глаза рукавом своей толстовки. Пробормотал:

— Извини.

— Хью? — У меня от беспокойства перехватывало дыхание. — Ты написал, что дело не только в сексе. Ты имел в виду, что у тебя *будет* секс?

Я надеялась, что неправильно его поняла, хотя была поражена этим до самого костного мозга.

Однажды мы взглянули друг на друга, и между нами вспыхнул настоящий пожар: обещание, доверие, буря эмоций, нерушимое единение. И теперь происходит какая-то жуткая путаница, из-за которой он вдруг свернул на собственную дорожку.

Он покачал головой:

— Нет, не в том смысле.

— Это не ответ.

Он долго смотрел на свои руки.

— Эми, я люблю тебя. Я вернусь к тебе. Но если это произойдет... то да.

Охрене-е-еть...

Он так сжал бутылку пива, что у него побелели суставы.

— Эти полгода... — Он помолчал. Затем выпалил: — Я хотел бы вести себя так, словно мы не в браке.

Я словно попала в кошмар. Потому что это уже случилось со мной раньше — измена мужа, — и ничего хуже я не испытывала. Это было настолько ужасно, что, страхуя себя от повторения подобного, я избегала серьезных отношений с мужчинами в течение полутора лет. И только через пять лет после того, как Ричи подставил мне подножку, нечто прекрасное между мной и Хью вернуло меня к дневному свету.

Прошло несколько недель, прежде чем мы смогли поговорить об этом, прежде чем я осмелилась дать ему шанс. Именно поэтому наш проверочный период целомудрия длился целый месяц — я наблюдала за ним и испытывала его, как будто покупала коня,

оценивала его, поднимая копыта и осматривая зубы. И я нашла в нем то, что искала. Я НЕ ХОТЕЛА очередного игрока. Я не хотела человека, который готов изменить свое решение. Я НЕ ХОТЕЛА человека, который мог бы меня бросить. Потому что это не должно было снова со мной произойти.

И что же? Это снова происходит со мной.

Будто прочитав мои мысли, он сказал:

— Всего-то шесть месяцев, Эми. Это не навсегда.

— Да, но...

— Я вернусь. Я обязательно вернусь.

Но разве он мог знать наверняка? Вы не засунете обратно в тюбик выдавленную зубную пасту.

Конечно, он мог бы поступить так, как поступают другие мужчины — подлые, нечестные, мужчины с двумя мобильными. Которые рассказывают, что собираются на утомительную конференцию, а на самом деле отправляются в гастрольный тур по Сан-Себастьяну на все выходные.

По крайней мере, он честен со мной. Но разве мне от этого стало лучше? Не знаю.

Я протянула руку к своему бокалу, опрокинула в себя остатки вина. А потом сказала:

— Можешь налить мне водки?

— Конечно. — Он вскочил. Чувство вины и острое облегчение однозначно добавили ему энергии.

Слишком больно. Мне нужно было напиться.

Иногда я просыпалась в зловещей предрассветной дымке. Я лежала в постели, но не помнила, как туда попала. Случилась какая-то катастрофа — у меня всегда срабатывала интуиция прежде, чем что-то происходило. Потом я вспоминала: Хью собирается уехать на шесть месяцев и сознательно прекратить наши отношения на это время.

Полгода. Это большой срок. За полгода многие способны измениться до неузнаваемости — особенно если кардинально меняют свое окружение. Внезапно перед глазами всплыла картинка: Хью трахает какую-то подтянутую девушку с красивыми татуировками и пепельными волосами, и от этого появилось ощущение, что мне снится кошмар.

Дело в сексе? Он сказал, что это не так, но до меня внезапно дошло, что все происходит по моей вине, — я должна была больше стараться. Обычно, когда я занималась сексом, я получала удовольствие, но, если честно, в последние года два я совершенно не думала о том, когда это случится в следующий раз.

Так как я боялась застоя, я делала намеки каждые четыре недели или около того, пытаюсь обмануть себя тем, что Хью не замечает отсутствия у меня энтузиазма.

Короче говоря, в последний раз секс у нас был очень давно, а перед тем Хью сказал: «Это твой долг за весь следующий месяц». После чего, выдержав паузу, засмеялся. (Я попыталась найти правильные слова, но он ушел от моего ответа пассивно-агрессивным способом.)

Может быть, если бы мы были откровеннее и честнее друг с другом, то сумели бы предотвратить ситуацию, в которой в конце концов очутились, но мы оба знали, что на карту поставлено слишком многое.

Охваченная паникой, я толкнула его:

— Проснись, Хью. *Пожалуйста*. Все потому, что у нас было мало секса.

Моя голова едва не раскалывалась, пока я придумывала способы, как убедить его остаться со мной: наряжаться в сексуальные чулки, высылать ему фотографии в стиле «ню», записывать видео с нашим участием... Я вдруг поняла, что никогда ничего подобного не делала, но я и не подозревала, что ему это может понравиться, потому что всякий раз, когда нечто подобное всплывало в сплетнях о личной жизни какой-нибудь знаменитости, между нами возникала довольно напряженная тишина.

Нельзя сказать, что меня не предупреждали об опасности застоя в долгих отношениях, — кажется, знающие люди только об этом и писали. Недавно я прочитала статью психолога, специализирующегося на женатых парах, который сказал: чтобы сохранить в отношениях перчинку, вам нужно — я цитирую — «стать шлюхами друг для друга». Он написал целую книжку на эту тему, и на полсекунды я подумала о том, что было бы неплохо ее приобрести, но потом решила: «Нет. Я не стану ничьей шлюхой».

Теперь я жалею, что не сделала этого.

Однако наряду с этими сожалениями звучал громкий голос, который настаивал на том, что ни одна женщина не должна делать то, чего ей не хочется, только ради того, чтобы удержать мужчину возле себя. Но, может быть, если бы я попробовала, мне бы понравилось?..

— Проснись! — Я потрясла его, потом включила свет на прикроватном столике.

Ох, ну *почему* я не была достаточно безрассудной? Господи боже, чего мне стоило сфотографировать для него свою прожженность?

Но застенчивость остановила меня. И кое-что еще — я заметила это только теперь: неловкое подозрение, что наши сексуальные предпочтения весьма различались. Мы с Хью практически во всем мыслили одинаково — иногда казалось, что у нас одна голова на двоих, и мы жили с уютным ощущением, что мы почти двойники. Во всем, кроме секса. В глубине души я подозревала, что Хью не хотел от меня ничего подобного. Он никогда не озвучивал это, но я боялась, что, если мы заговорим на эту тему, он станет для меня незнакомцем.

Но случилось кое-что похуже.

— Ты проснулся? — спросила я.

— Да. — Он моргал, пытаясь сесть.

— Серьезно? — спросила я. — Это действительно так?

— Прости. — Он попытался удержать меня.

Я оттолкнула его.

— У нас было слишком мало секса.

Это прозвучало пронзительно и отчаянно.

— Детка, — нежно произнес он, — дело вовсе не в сексе.

Надежда вспыхнула, как луч, и затем я спросила:

— Но ты *мог бы* заниматься сексом с кем-то другим?

И он кивнул.

Меня накрыло отчаянием, после которого я испытала отвращение к себе: я слишком старая, слишком толстая, слишком никчемная в постели.

— Это потому, что я свинья? — спросила я.

Он рассмеялся, по-настоящему, таким смехом, которого я не слышала уже очень давно.

— Нет. Как бы то ни было, ты ни капли не похожа на свинью.

— Похожа, — сказала я. — Ну, немного. Знаешь, это из-за того, что я бросила курить.

— Дело вовсе не в тебе, дело во мне. И я никогда не думал, что скажу тебе это.

— Если дело не в сексе, тогда что ты хочешь найти?

Может быть, это что-то очевидное.

Он закрыл глаза и снова открыл их.

— Наверное, надежду. Или нечто похожее на надежду. Может быть, азарт. Возможность.

Ну разумеется. Я сглотнула. Надежда. Азарт. Возможность. Я знала это.

— Что-то новое? — спросила я. — Свежие эмоции? Шанс стать другим человеком, лучшей версией себя?

Он выглядел немного удивленным.

— Да. Именно это.

Что ж, ничего нового или свежего я не могла ему предоставить.

— Как насчет девочек? — спросила я.

— Скажу им завтра.

Уже завтра.

— Нет.

Мне пришло в голову, что, если рассказать обо всем девочкам, ситуация тут же обретет реальные черты. Пока знаем только он, я и Карл, это оставляет дверь открытой, дает ему шанс передумать.

— Киаре едва исполнилось шестнадцать, — сказала я. — Кто позаботится о ней, когда меня не будет?

Каждый вторник я оставалась на ночь в Лондоне.

— Она может позаботиться о себе сама, — сказал Хью. — Она самостоятельнее, чем мы думаем. Ну, или Нив научится ответственности.

Я предприняла еще одну попытку:

— Шестнадцать — это сложный возраст, и вот ее отец исчезает куда-то на полгода.

— Киара — мудрая душа и самый уравновешенный ребенок из всех, которых я встречал.

— Дело в том, что... — Я хотела сказать, что исчезновение Хью из нашей жизни может ее изменить, но поняла, что это уже не имеет никакого значения. Хью уедет независимо от того, что я скажу. Меня пронзила мучительная боль. — Пожалуйста, не надо.

Я взяла его за руку.

— Прости меня, Эми. Я должен.

— А если я скажу «нет»?

Он отвел глаза, и его молчание ответило за него: он в любом случае уедет.

4

Я направляюсь к родителям в Шанкиль — когда я была подростком, на этом месте ютилась деревенька, но сейчас южные пригороды Дублина разрослись так, что поглотили ее целиком, а дороги в пятничный вечер перегружены. Сейчас начало сентября, погода солнечная и яркая, поэтому люди, вероятно, направляются к побережью за последними лучами лета.

У меня звонит телефон. Это Доминик, временный опекун отца. Долгое время Маура даже слышать не хотела о том, чтобы мы наняли для него сиделку. Но из-за многочисленных болезней у мамы очень плотный график процедур в больнице, и, когда папа оставался в доме один, он мог залить водой весь пол в ванной или вручить мамины драгоценности случайным гостям, позвонившим в дверь. Однажды мама приехала домой и обнаружила трех странных мужиков, которые — под громкие подбадривания папы «Давайте, ребята! Теперь она ваша!» — волокли их стиральную машинку в свой фургон.

Но таскать отца вместе с матерью в больницу больше не представлялось возможным, он слишком часто приставал к медсестре с излюбленным: «Душечка, ты выглядишь как молодая Розмари Уэст¹. Сколько тел ты похоронила у себя в подвале?»

В итоге, пять месяцев спустя, мама приняла непростое решение и подписала контракт с центром «Камелия».

— Привет, Доминик.

Мне интересно, почему он звонит. Может быть, папа снова запустил тарелку с ужином в стену? Но теперь это вряд ли сойдет за свежую новость.

---

¹ Розмари Уэст — вторая жена Фредерика Уэста, британского серийного убийцы, совершавшего преступления с 1967 по 1987 год. Розмари Уэст, по слухам, убила свою падчерицу (дочь Фредерика Уэста от первого брака). (*Примеч. пер.*)

— Эми, твоя мама опаздывает, а у меня уже поджимает время, следующий пациент ждет. Отсюда долго добираться.

Доминик невероятно востребован. *Невероятно*. В его собственной вселенной заботы о слабоумных Доминик просто Кейт Мосс.

Дело в том, что папа, который не изменяет своим привычкам, — крайне сложный пациент, и каждого своего опекуна он подозревает в том, что тот серийный убийца. Несмотря на то что эти люди давно привыкли к причудам и оскорблениям пациентов со слабоумием, папа доводит их до ручки очень быстро. За последние пять месяцев через его дом прошла целая череда специалистов. Доминик, который больше двадцати лет служил в чешской армии, стал единственным, кто сумел справиться с ним. А этого не смогли даже мы.

— Я уверена, она будет дома через пару минут.

Мама очень пунктуальная женщина.

— Она опаздывает уже на два часа.

— Два часа?! Ты набирал номер ее мобильного?

— Конечно! И он звонит на кухонном столе.

— Но куда она ушла? — Мама выходит из дома только на процедуры в больнице. — И когда?

У меня в сознании тут же возникают картины: мама лежит на тротуаре, окруженная незнакомыми людьми, которые разглядывают ее, пытаются установить ее личность, а она — без сознания, не может даже рта раскрыть.

— Она ушла в двенадцать часов дня.

— *Что-о-о?!* Но ведь прошло уже шесть часов!

— Я умею считать, Эми. Твой отец говорит, что я хуже Йоркширского Потрошителя. И вот это я и выслушиваю уже шесть часов.

— Но, Доминик, в какую больницу она ходила? Где...

— Сегодня она ушла не в больницу. Она отправилась на роскошный обед...

— Стой, что? Обед?

— ...в роскошный отель. Еще она сообщила, что собирается в запой.

— Нет, Доминик, она никогда в жизни не произнесла бы ничего подобного!

— Ты что, лжецом меня называешь? Она лично сказала мне: «Доминик, я надеваю вот эти туфли на каблуках и ухожу в запой». Слово в слово.

Все это *крайне* маловероятно, но я должна узнать больше, прежде чем делать выводы.

— Я буду через десять минут.

Вообще-то, скорее через двадцать пять. Но я — хроническая лгунья во всем, что касается ожидаемого срока прибытия, из-за банальной нехватки времени.

— Мне пора ехать, — говорит Доминик.

— Хорошо, я постараюсь быстро найти кого-то, кто сможет тебя заменить.

И кому же я могу позвонить? Очень сомневаюсь, что Доминик знает наверняка, где мама, но я не хочу, чтобы у нее были неприятности, так что лучше ничего не говорить Мауре. Именно поэтому я набираю номер Дерри.

— Есть хотя бы один крохотный шанс, что ты сможешь оказаться дома у родителей через десять минут? — спрашиваю я. — Мама куда-то пропала, а Доминику срочно нужно уехать.

— И ты звонишь их единственной незамужней дочери? — отзывается Дерри. — Бедной, несчастной старой деве Дерри. Ни мужика, ни личной жизни, ведь все, на что она способна, — это присматривать за пожилыми родителями. Но знаешь, что я тебе скажу: времена меняются, и...

— Ты сможешь подъехать или мне позвонить Джо?

— Завтра я уезжаю в Кейптаун. Так почему бы не подкинуть мне работенку, которая не вписывается в мои сегодняшние планы, да? Сегодня я пойду навстречу и подменю Доминика, но не думай, что так будет всегда.

Она вешает трубку.

Примерно через полчаса я сворачиваю с главной дороги к холодному и старому викторианскому дому, в котором я выросла. Когда-то здесь было много незанятой земли, но к тому моменту, когда папа купил дом, ее уже распродали, неподалеку даже построили ратушу, поэтому наш особняк выглядит гигантской гранитной плитой среди трехэтажных малышей.

Все мое детство прошло в мечтах о жизни в доме со скромной галечной террасой и электрической печкой вместо ужасающей «Аги», на которую с подозрением смотрели все наши соседи.

Содержание

Прежде	5
Сейчас	120
После	433
Эпилог.....	549
Благодарности.....	556

Літературно-художнє видання

КЕЙЗ Меріан
Почуття з перервою

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колобакина*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 09.11.2018. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Petersburg». Ум. друк. арк. 29,4.
Наклад 2000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

КЕЙЗ Мэриан
Чувства с перерывом

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колобакина*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 09.11.2018. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Petersburg». Усл. печ. л. 29,4.
Тираж 2000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Хтось може назвати це розривом, та Гю, мій чоловік, каже, що це просто «перерва». Пауза. І ніяке це не розлучення, ні. Просто Гю трохи втомився і взяв відпустку від родини й домашніх проблем. Щоб відпочити та... як він це називає? «Розібратися в собі». Саме так... Я не можу змінити його рішення. Але для мене це величезне випробування. Адже я не втомилася від Гю... Та й за шість місяців може статися будь-що. Раптом Гю зміниться настільки, що я не впізнаю в ньому того чоловіка, за якого вийшла заміж? А що, коли я й сама змінюся?.. Адже якщо Гю влаштував перерву, чом би й мені не зробити те саме?

Кейс М.

КЗЗ Чувства с перерывом : роман / Мэриан Кейс : пер. с англ. А. Майстренко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 560 с.

ISBN 978-617-12-5594-4

ISBN 978-0-7181-7972-4 (англ.)

Кто-то может назвать это разрывом, но Хью, мой муж, говорит, что это просто «перерыв». Пауза. И никакой это не развод, нет. Просто Хью немного устал и взял шестимесячный отпуск от семьи и домашних проблем. Чтобы отдохнуть и... как он это называет? «Разобраться в себе». Да, именно так... Я не могу изменить его решение. Но для меня это огромное испытание. Ведь я не устала от Хью... Да и за шесть месяцев может произойти всякое. Вдруг Хью изменится настолько, что я не узнаю в нем того человека, за которого вышла замуж? А что, если и я сама изменюсь?.. Ведь если Хью устроил перерыв, почему бы и мне не сделать то же самое?

УДК 821.111(415)